

**К.М. Баранова,
О.В. Афанасьева**

Мотив *предопределение* в романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера»

Мотив «предопределение» переходит из раннеколониальной литературы в произведения американской литературы XIX в. В статье рассматривается эволюционное развитие данного мотива на протяжении нескольких столетий и анализируются его проявления в романе М. Твена «Приключения Тома Сойера». Доказывается, что мотив «предопределение», продолжая традиции XVII, XVIII вв., в XIX в. значительно трансформируется и перестает играть доминирующую роль, идея Промысла Божьего ослабевает, а отношение к религиозным постулатам существенно меняется.

Ключевые слова: мотив *предопределение*; колониальная литература; религия; догма; суеверие.

Мотив *предопределение* (providence) появляется в произведениях американской литературы начиная с колониального периода. Как отмечают исследователи творчества новоанглийских авторов этого периода, доктрина предопределения и благодати лежала в основе пуританской идеологии. Соответственно, она занимала центральное место и в пуританской литературе. Естественно, что анализируемый мотив для словесников-пуритан XVII в. оказывался знаковым, если не определяющим, прежде всего в силу их мировоззрения. «В его основе заложено беспрекословное служение Создателю. Члены пуританских общин верили в промыслительность всего происходящего. По их глубокому убеждению, человек не мог повлиять на ход событий, так как именно Всевышний определял порядок вещей в мире. Случайности полностью исключались» [3: с. 10].

Термин *предопределение* предполагает предназначение и исполнение всего того, что надлежит исполнить личности по воле Господа. Последнее же является неизбежным, иными словами, Промыслом Божьим. На протяжении

всего XVII в. вера в предопределение была абсолютной. Жители североамериканских колоний полностью отрицали любую случайность происходящего. Однако с течением времени идея провиденциальности начинает ослабевать. Задумываясь о том, что происходит в мире, переселенцы, во всяком случае, некоторая их часть, приходят к выводу, что в определенных ситуациях человек оказывается в состоянии повлиять на происходящее, а в череде некоторых событий даже наблюдается элемент случайности.

Так, в одном из самых значительных памятников раннеколониального периода — «История поселения в Плимуте» У. Брэдфорда (*Of Plymouth Plantation* by W. Bradford) [1], имеются многочисленные референции к провидению. Однако в работах XVIII в. это утверждение начинает подвергаться сомнению, и воля людей оказывается не менее значимой при совершении тех или иных поступков. В монографии «XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина)» подчеркивается, что «при сохранении полного пиетета к Творцу, Эдвардс начинает интуитивным чувственным способом открывать признаки Божественности в человеке» [4: с. 30]. Более того, на страницах данного изыскания имеется прямое указание на то, что Эдвардс, создавая свои проповеди, не только принимает во внимание «духовное наследие своей исторической родины, идеи религиозного идеала, провозглашенные первыми колониальными авторами», но и в значительной степени «отходит от канонических традиций пуританизма... показывая, что рожденный свободным человек обладает возможностью совершать выбор в отношении своих деяний» [4: с. 108]. Отметим также, что в XVIII в. начинается процесс стилизации литературных произведений. «Франклин был одним из первых американских авторов, положивших начало стилизации текста произведения» [5: с. 13].

В XIX в., к моменту создания романа «Приключения Тома Сойера» («*The Adventures of Tom Sawyer*») известным американским писателем Марком Твенном (Mark Twain), вера жителей Новой Англии в предопределение становится еще менее значимой. Безусловно, герои его сочинения не отрицают наличия Высшей силы, которая является причиной всего происходящего и защищает все живые существа на земле. Именно таким образом рассматриваемый мотив трактуется в изучаемом произведении. Отметим, однако, что феномен предопределения понимается его героями неодинаково. Если для многих взрослых Высшая сила — это Божий промысел, то дети, скорее, склонны видеть в ней то, что прежде всего порождает суеверия и предрассудки. При этом и те и другие зачастую воспринимают предопределение в качестве испытаний, которые ниспосланы Создателем и которые необходимо преодолеть.

Невозможно оспорить тот факт, что религия является важной составляющей частью мира жителей Сент-Питерсберга (St. Petersburg). Несмотря на это, их религиозность различна, и далеко не всех людей в городке можно назвать истинно верующими. В качестве примера действительно религиозного человека можно привести вдову Дуглас (Widow Douglas). В тот момент, когда

большинство горожан отправляются на поиски Тома и Бекки (Becky), потерявшихся в пещере, вдова разрешает Геку (Huck) пожить у нее, чтобы ухаживать за ним, пока тот болеет. Будучи по-настоящему религиозной, она считает, что каждый человек является божьим созданием, а потому, независимо от того, плохой он или хороший, его нельзя покинуть или игнорировать: «The physicians were all at the cave, so the Widow Douglas came and took charge of the patient [Huck]. She said she would do her best by him, because, whether he was good, bad, or indifferent, he was the Lord's, and nothing that was the Lord's was a thing to be neglected» [2: p. 206].

Вдова Дуглас искренне верит в предопределение, а потому и Гека, в котором все остальные видят лишь недостатки, женщина не считает полностью испорченным и надеется его перевоспитать, привить мальчику хорошие манеры и приучить посещать церковные службы: «The widow's servants kept him clean and neat, combed and brushed, and they bedded him nightly in unsympathetic sheets that had not one little spot or stain which he could press to his heart and know for a friend. He had to eat with knife and fork; he had to use napkin, cup, and plate; he had to learn his book, he had to go to church...» [2: p. 239]. Как истинная христианка, вдова считает, что только верующему будет благоволить судьба. Для этого она и пытается изменить Гека в лучшую сторону, приучив его хорошо себя вести, учиться и молиться.

Однако далеко не все жители городка разделяют принципы и взгляды вдовы. Показательно в этом отношении, например, поведение девушек, учениц местной школы. На экзамене они должны были читать свои собственные сочинения на религиозную тему, в конце которых нужно было поместить выведенную из текста мораль. Вся процедура проводимого испытания производит на читателя несколько странное впечатление. Школьницы явно «вымучивают» строки из своих произведений, не веря тому, что сами произносят. Выводя мораль, они, скорее совершенно в английском духе [6], следуют убеждениям старшего поколения, делая это по их настоянию, а не в соответствии с собственными взглядами. Более того, их тяготит необходимость следовать правилам написания сочинений и совершенно не волнуют вопросы религии. Учениц, скорее, интересует то, как они выглядят: «No matter what the subject might be, a brain-racking effort was made to squirm it into some aspect or other that the moral and religious mind could contemplate with edification. <...> And you will find that the sermon of the most frivolous and the least religious girl in the school is always the longest and the most relentlessly pious» [2: p. 148]. Автор иронизирует по поводу этой ситуации: мораль из религиозного текста выводят далекие от религии люди.

Но ведь и иные жители городка характеризуются отсутствием должной религиозности, присущей вдове Дуглас. Подтверждением этому является эпизод романа, посвященный похоронам индейца Джо (Injun Joe). После того как Бекки и Тома находят в пещере, вход в нее закрывают кованой дверью. Мальчик,

узнав об этом только через две недели после случившегося, сообщает, что внутри находится индеец Джо. Естественно, он был уже мертв, когда вход открыли вновь. Было решено похоронить несчастного около пещеры. Эта церемония, как ни странно, для некоторых прихожан стала своеобразным развлечением. Такое отношение к смерти (пусть даже и преступника) противоречит всем христианским постулатам и вряд ли может рассматриваться как элемент религиозности и благочестия: «Injun Joe was buried near the mouth of the cave; and people flocked there in boats and wagons from the towns and from all the farms and hamlets for seven miles around; they brought their children and all sorts of provisions» [2: p. 225]. Из цитаты видно, что посмотреть на похороны пришли не только жители Сент-Питерсберга. Многие прибыли из других мест, и для большей части собравшихся это было некое приключение типа поездки на пикник.

Для главного героя романа соблюдение религиозных правил — это скорее вынужденная обязанность, от исполнения которой он постоянно пытается уклониться. Например, мальчик всегда отлынивает от чтения молитв на ночь, не испытывая при этом никаких угрызений совести: «Tom turned in without the added vexation of prayers, and Sid made mental note of the omission» [2: p. 24]. Отсутствие религиозности у Тома подтверждают и его поступки. Так, покупая билетки для того, чтобы получить взамен Библию, он прибегает к обману. Это можно рассматривать как нарушение божьих заповедей и религиозных канонов. В то время как другие учащиеся заучивают сотни отрывков, чтобы стать обладателями подобных билетиков, Том обменивает их на свои «сокровища». Иными словами можно сказать, что он получает Библию несправедливым путем. Отметим при этом, что Книга Книг нужна ему не для изучения текстов Священного Писания. С ее помощью Том хочет добиться популярности среди сверстников: «Only the older pupils managed to keep their tickets and stick to their tedious work long enough to get a Bible... It is possible that Tom's mental stomach had never really hungered for one of those prizes, but unquestionably his entire being had for many a day longed for the glory and the eclat that came with it» [2: p. 29]. Мальчика не волнует религия. Ему важен лишь статус, который он получит с помощью Библии. После того как Тому вручат вожделенную книгу на глазах у удивленных учеников, учителей и важного гостя — судьи Тэтчера (Judge Thatcher), последний просит Тома назвать имена апостолов, что подросток, якобы выучивший библейские стихи, не может сделать.

Подтверждением того факта, что для Тома соблюдение общественных и моральных правил — это вынужденная обязанность, является разговор мальчика с Бекки. Том лишь следует требованиям взрослых, но не испытывает никаких религиозных чувств, значимых для верующего. Его набожность показная. Мальчик не готов, в отличие от своих предков-пуритан, искренне следовать существующему порядку вещей и христианской морали. Он не полагается на мудрое Провидение. Подростку не угоден тезис о том, что в жизни все предопределено и промыслительно. Его рассуждения в чем-то даже сродни богохульству.

Показательно в этом отношении, например, замечание Тома, что цирк намного лучше церкви: «I been to the circus three or four times — lots of times. Church ain't shucks to a circus. There's things going on at a circus all the time. I'm going to be a clown in a circus when I grow up» [2: p. 57]. Мальчик сообщает Бекки, что собирается стать клоуном, когда вырастет. Сравнение же церкви с цирком в пользу последнего показывает полное неуважение к религии, даже недоверие к данному социальному институту. Позиция, которая, очевидно, близка и автору романа.

Однако, несмотря на пренебрежительное отношение к религии, попытки тети Полли привить Тому уважение к вере по-своему влияют на него. Например, во время грозы, которая разразилась сразу после его выздоровления, мальчик, услышав раскаты грома, сразу решает, что он своим поведением разгневал Всевышнего, и Господь послал на землю эту ужасную непогоду: «And that night there came on a terrific storm, with driving rain, awful claps of thunder and blinding sheets of lightning. He covered his head with the bedclothes and waited in a horror of suspense for his doom; for he had not the shadow of a doubt that all this hubbub was about him» [2: p. 155]. Подросток нисколько не сомневается, что гроза началась из-за него, и это наказание Высших сил за его непослушание. Ведь он твердо знает, что Провидение направляет поступки людей, и Создатель карает их за непозволительное поведение.

Указания или знаки со стороны Бога Том видит в раскатах грома, в самой разбушевавшейся стихии. Именно с их помощью, по мнению мальчика, и осуществляется Божий промысел. А это — уже утверждение в свете пуританской идеологии. После того как непогода проходит, Том сначала хочет поблагодарить Бога за то, что Создатель его не покарал. От всей души мальчик желает исправиться, но быстро передумывает: «By and by the tempest spent itself and died without accomplishing its object. The boy's first impulse was to be grateful, and reform. His second was to wait — for there might not be any more storms» [2: p. 155]. Таких устрашающих явлений природы, полагает Том, возможно, больше и не будет. Он весьма прагматичен в своих мыслях и поступках. Зачем же что-то менять в своем поведении, если вполне вероятно, что никакого наказания не последует. Том мгновенно пересматривает свое решение, надеясь, что Творец больше наказывать его таким способом не будет.

В другом эпизоде романа Том и его друг Гек становятся свидетелями оправдания Мэфа Поттера (Muff Potter) в убийстве доктора Робинсона (Dr Robinson). Находящийся там же индеец Джо, настоящий виновник произошедшего, сваливает всю вину на Поттера. Видя, как спокойно лжет человек, совершивший преступление, оба мальчика не сомневаются, что он будет наказан Всевышним: «Then Huckleberry and Tom stood dumb and staring, and heard the stony-hearted liar reel off his serene statement, they expecting every moment that the clear sky would deliver God's lightnings upon his head, and wondering to see how long the stroke was delayed» [2: p. 83]. Но когда ничего не происходит, подростки искренне удивляются. Они не понимают, почему неминуемая

кара откладывается. Единственное объяснение, которое приходит им в голову, заключается в том, что индеец Джо связан с нечистой силой. Таким образом, несмотря на то, что мальчики не любят молиться и посещать церковь, а иногда и ведут себя неподобающим образом по отношению к институту церкви, они убеждены, что ложь является наказуемым грехом, как и плохое поведение.

Отметим, что многие взрослые люди в городке разделяют взгляды Тома Сойера. Это отчетливо проявляется в эпизоде, который происходит во время проповеди в церкви. Когда священник начинает читать молитву, мальчику становится совсем скучно, и он пытается каким-то образом себя развлечь. Он смотрит в окно, следит за мухой, летающей вокруг него, пытается поймать жука, залетевшего в церковь. Вдруг в церковь забегают пудель, и когда жук садится ему на нос, собака громко взвизгивает, что очень смешит Тома. Это происшествие является развлечением и для взрослых прихожан, которые должны были бы со смирением слушать молитву, а не следить за собакой: «By this time the whole church was red-faced and suffocating with suppressed laughter, and the sermon had come to a dead standstill» [2: p. 41].

Поведение пуделя рассмешило многих прихожан настолько, что они не могут сосредоточиться на проповеди. Ведь для многих из них посещение церкви — это скорее скучная обязанность, чем веление души, и они рады любой возможности отвлечься от исполнения долга. Их поведение сродни поступку ребенка. В течение всей проповеди взрослые скучают так же, как и главный герой. Интересно, что даже певчие в церковном хоре ведут себя неподобающим образом: они шепчутся и смеются во время проповеди, что недопустимо для всех, а особенно для тех людей, чья деятельность неразрывно связана с институтом церкви.

Не менее показателен в этом отношении эпизод, в котором Том с друзьями появляются на собственном отпевании в церкви. Во время проповеди священник говорит о мальчишках-сорванцах только положительно. В середине этого панегирика они сами, целые и невредимые вдруг появляются в церкви. Родственники радуются «воскрешению» детей, и все прихожане восхваляют Господа за их спасение: «Suddenly the minister shouted at the top of his voice: «Praise God from whom all blessings flow — Sing! — and put your hearts in it! <...> As the «sold» congregation trooped out, they said they would almost be willing to be made ridiculous again to hear Old Hundred sung like that once more» [2: p. 126]. Отметим, что парадокс данной ситуации заключается в том, что взрослые, понимая, что дети их обманули, тем не менее приписывают «воскрешение» подростков Всевышнему, которого восхваляют в гимне. Все это позволяет говорить о том, что истинно верующие фактически не появляются на страницах анализируемой книги. Марк Твен намеренно противопоставляет действия и слова или даже помыслы. Они расходятся друг с другом. Писатель намеренно включает в нарратив, казалось бы, несовместимые поступки протагонистов, чтобы показать ханжеское и лицемерное отношение персонажей, задействованных в повествовании, к восхваляемым и почитаемым ими высшим силам и религиозным канонам.

Так, узнав, что ее племянник нашелся, тетя Полли благодарит Бога. Произнося слова благодарности Всевышнему она замечает: «I'm thankful to the good God and Father of us all I've got you back, that's long-suffering and merciful to them that believe on Him and keep His word, though goodness knows I'm unworthy of it, but if only the worthy ones got His blessings and had His hand to help them over the rough places, there's few enough would smile here or ever enter into His rest when the long night comes. **Go 'long, Sid, Mary, Tom — take yourselves off — you've hendered me long enough**» [2: p. 130]. Конец данного изречения (см. выделение в тексте) звучит несколько неожиданно. Он не соответствует характеру и тону вышеприведенной молитвы. За возвышенными словами, восхваляющими Создателя, следует реплика, наполненная стилистически маркированной лексикой, при помощи которой тетушка достаточно грубо выгоняет из помещения своих домочадцев, говоря, что они ей надоели. Включением стилистически маркированной лексики в данный контекст М. Твен добивается необходимого ему эффекта. Со свойственной писателю иронией он показывает, что тетя Полли достаточно далека от образа смиренной благочестивой прихожанки, роль которой она так усердно пытается исполнить.

Гек Финн, так же как и Том, не питает особой любви к церкви и проповедям. В разговоре с Томом в конце романа Гек жалуется на жизнь у вдовы Дуглас. Та, пытаясь перевоспитать мальчика, заставляет его полностью поменять привычный для него уклад жизни: «I got to go to church, and sweat and sweat — I hate them ornery sermons! I can't ketch a fly in there, I can't chaw, I got to wear shoes all Sunday. The widder eats by a bell; she goes to bed by a bell; she gits up by a bell — everything's so awful reg'lar a body can't stand it» [2: p. 240]. Гек не понимает, для чего необходимо ходить в церковь, зачем нужны выработанные ограничения, к которым мальчик не привык. Вдова Дуглас, будучи одной из самых религиозных женщин в городке, полагает, что если он станет верующим человеком, то сможет измениться и начнет учиться. Самому же подростку претят нововведения в его жизнь, и особенно религиозные поучения вдовы, которые, как он считает, ограничивают его свободу.

Автор анализируемого романа отнюдь не является последователем религиозных воззрений, присущих его героям. Он с мягким юмором подшучивает над ними. Это проявляется, например, при создании образа директора школы мистера Уолтерса (Mr Walters): «Mr. Walters was very earnest of mien, and very sincere and honest at heart; and he held sacred things and places in such reverence, and so separated them from worldly matters, that unconsciously to himself his Sunday school voice had acquired a peculiar intonation which was wholly absent on week-days» [2: p. 30]. М. Твен явно иронизирует, преувеличивая благоговение школьного руководителя перед всем, что связано с религией.

В отличие от взрослых, для мальчиков высшая сила во многом предстает в виде различных суеверий. Дети искренне верят в различные предрассудки. При этом, если ожидаемый ход событий нарушается, подростки всегда находят объяснения неудачам, утверждая, что был выбран неправильный способ исполнения действия, или была допущена какая-либо ошибка. Например,

однажды в лесу Том начинает рыть землю у старого ствола дерева, чтобы найти тайник, куда он когда-то спрятал шарик. Как и его друзья, мальчик считает, что зарыв один шарик и прочитав заговор, позже в этом же месте можно найти несколько похожих. Несмотря на то что суеверие не срабатывает, Том не собирается отказываться от него. Он ищет объяснения постигшей его неудачи и быстро находит ее «причину»: «He puzzled over the matter some time, and finally decided that some witch had interfered and broken the charm» [2: p. 63].

По ходу повествования читатель знакомится с многочисленными предрассудками мальчиков. При этом большую роль играют знаки и предзнаменования, которые как бы посылаются свыше. Отметим, что этот феномен был типичен и для раннеколониального периода развития американской словесности. Любое житейское событие верующие полагали зависящим от воли Создателя и трактовали как провиденциальное явление. Это же характерно и для мотива *предопределение* в романе М. Твена. Писатель подчеркивает, что для Тома червяк, который ползет по его ноге, является знаком того, что мальчик вскоре получит новый костюм. Точно также потеря трещотки, его своеобразного амулета, для подростка является предзнаменованием большой беды. Том даже боится идти купаться, ибо он и помыслить не может, что потеря произошла случайно. Если же, как отмечалось выше, знаки судьбы «не срабатывают», объяснение причины всегда у друзей под рукой. Это может быть выбор неудачного дня или влияние ведьмы, что не менее абсурдно. Суеверия влияют на жизнь детей и подростков, и автор романа неоднократно с легкой улыбкой рассказывает о подобных забавных ситуациях читателю.

Мотив *предопределение* в анализируемом романе М. Твена, с одной стороны, продолжает традиции, заложенные в литературе колониального периода, а с другой — в значительной степени трансформируется. Доктрина предопределения уже не занимает центральное место в американском обществе XIX в., идея Промысла Божьего значительно ослабевает, отношение к религиозным догмам существенно меняется.

Хотя вера в Божественное предначертание перестает быть абсолютной (это в равной степени относится к людям разных возрастов общества, представленного на страницах романа), горожане в вопросах почитания Создателя следуют традициям своих предков. Однако многие жители фактически сохраняют лишь внешнее подобие религиозности. Лишь единицы из них являются истинно верующими. Тем не менее вопросы веры и провидения остаются насущными для американцев и в XIX в. Толкование знаков судьбы, убежденность, что предначертания свыше несомненно существуют, ожидание проявлений Божественного промысла — отмечаются в их мировоззрении и передаются детям. Но все эти черты проявляются далеко не так явно, как во времена первых поселений на североамериканском континенте, что и находит отражение в американской литературе XIX в., и в частности, в анализируемом романе М. Твена.

Библиографический список

Источники

1. *Bradford W.* Of Plymouth Plantation: 1620–1647. Chicago: McGraw-Hill Humanities, 2002. 512 p.
2. *Twain M.* The Adventures of Tom Sawyer. London: Harper Press, 2011. 244 p.

Литература

3. *Баранова К.М., Афанасьева О.В.* Образ Нового Адама в американской колониальной литературе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 8–17.
4. *Баранова К.М.* XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина): монография. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 250 с.
5. *Баранова К.М.* Стилизация в тексте «Альманаха Бедного Ричарда» Б. Франклина // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1 (11). С. 8–13.
6. *Меркулова М.Г., Сатюкова Е.Г.* «Английскость» в отечественном литературоведении: теоретическое осмысление и изучение понятия // Гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 221–226.

References

Istochniki

1. *Bradford W.* Of Plymouth Plantation: 1620–1647. Chicago: McGraw-Hill Humanities, 2002. 512 p.
2. *Twain M.* The Adventures of Tom Sawyer. London: Harper Press, 2011. 244 p.

Literatura

3. *Baranova K.M., Afanas'yeva O.V.* Obraz Novogo Adama v amerikanskoj kolonial'noj literature // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 8–17.
4. *Baranova K.M.* XVIII stoletie. Rozhdenie amerikanskoj mechty' (tvorchestvo Dzh. E'dvardsa i B. Franklina): monografiya. M.: Izd-vo MGOU, 2010. 250 s.
5. *Baranova K.M.* Stilizaciya v tekste «Al'manaxa Bednogo Richarda» B. Franklina // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 1 (11). S. 8–13.
6. *Merkulova M.G., Satyukova E.G.* «Anglijskost'» v otechestvennom literaturovedenii: teoreticheskoe osmyslenie i izuchenie ponyatiya // Gumanitarny'e issledovaniya. 2010. № 4. S. 221–226.

K.M. Baranova

O.V. Afanasyeva

Motif *Providence* in Mark Twain's Novel «The Adventures of Tom Sawyer»

The motif of providence gets into the literary works of the XIX century from early colonial literature. The article shows the evolution of this motif through several centuries and offers its analysis in the novel «The Adventures of Tom Sawyer» by Mark Twain. With the continuation of XVII and XVIII-century traditions, the motif under analyses transforms a lot in the XIX century: it stops being domineering, the idea of providence weakens and peoples' attitude towards religious dogmas changes a lot.

Keywords: motif of *providence*; colonial literature; evolution; religion; dogma; superstition.